

Фурман Петр Романович

**Князь Григорий
Александрович Потемкин-
Таврический**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П30

П30 **Петр Романович Ф.**
Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический / Фурман Петр Романович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 124 с.

ISBN 978-5-521-28796-3

ISBN 978-5-521-28796-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Праздникъ Богоявленія.

Тому, съ чего я начинаю теперь рассказъ свой, милые друзья мои, ровно сто лѣтъ; а именно, это происходило 6-го Января 1747 года.

День былъ холодный, хотя солнце ярко свѣтило на землю, какъ-бы празднуя со всѣми православными торжественный день Богоявленія Господня.

При радостномъ, громкомъ звонѣ колоколовъ, жители Смоленска, безъ шума и суматохи, вышли изъ собора Успенскаго и, вслѣдъ за духовенствомъ, направили шаги къ берегу Днѣпра, гдѣ была устроена красивая Иордань.

Хоругви развѣвались, громкое пѣніе пѣвчихъ разносилось по воздуху, на богатыхъ парчевыхъ ризахъ священниковъ играло солнышко, православные слѣдовали за ними въ религіозномъ молчаніи; все это вмѣстѣ представляло чудную, живописную картину русскаго праздника.

Иордань была великолѣпно украшена. Священники вступили туда, народъ разсыпался по берегу — и обрядъ водосвященія начался...

Передъ толпою стоялъ мужчина пожилыхъ уже лѣтъ. Онъ держалъ за руку мальчика лѣтъ восьми, котораго, съ другой стороны, старалась защитить отъ напора толпы женщина среднихъ лѣтъ, прекрасной наружности.

Мальчикъ чрезвычайно походилъ на свою мать: полное, свѣжее лицо его отличалось нѣсколько женоподобною нѣжностью, но въ большихъ, свѣтлыхъ глазахъ блестѣлъ смѣлый живой умъ. Ему было около восьми лѣтъ, но судя по высокому росту его, по широкимъ плечамъ и круглой груди, ему можно было дать гораздо болѣе.

Устремивъ глаза на торжественное шествіе духовенства, мальчикъ старался удерживать дыханіе. Зрѣлище, представлявшееся глазамъ его, было совершенно ново для него. Онъ слушалъ внимательно и хотя понималъ весьма немного изъ того, что пѣли священники, зато сердце его съ дѣтскою любовію возносилось къ Творцу вселенной.

Обрядъ водоосвященія кончился, но долго еще слышались мальчику дивныя слова:

«Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, троическое яви-ся поклоненіе: родителейъ бо гласъ свидѣтельствовавшіи Тебѣ, возлюбленнаго Тя сына именую: Духъ въ видѣ голубинѣ, извѣствовавшіи словесе утвержденіе: явлейся Христе Боже, и міръ просвѣщей, слава Тебѣ!...».

И то про себя, то вслухъ напѣвалъ и онъ первыя слова, сохранившіяся въ памяти его:

«Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи!».

Всѣ стали прикладываться ко кресту. Пожилой мужчина, отецъ мальчика, подвелъ и его къ кресту, поднялъ, и уста ребенка такъ крѣпко прильнули къ кресту, какъ будто бы онъ лобызалъ стопы Самого Спасителя...

— Гриша, — сказала мальчику мать его: — держись за тятеньку и не отставай отъ него. Александръ Васильевичъ, — прибавила она, съ материнскою заботливостію, обратившись къ мужу, — побереги Гришу, а не то его задавятъ...

— Полно тебѣ, матушка! — съ неудовольствіемъ возразилъ мужъ: — муха онъ, что-ли? И муху не задавятъ, коли она не зазѣвается, а Гришка, слава Богу, не ребенокъ! Девятый годъ не шутка: по-моему, такъ ему пора на службу.

— Что ты, Александръ Васильевичъ! Ребенка вздумалъ на службу отдавать! — съ беспокойствомъ вскричала мать.

— Ну, ну, не бойся! — возразилъ мужъ, улыбаясь: — вѣдь ты знаешь, что мы его не отдадимъ на службу... Чѣмъ его содержать? — прибавилъ онъ со вздохомъ, — нѣтъ, пускай онъ пойдетъ по другой, болѣе хлѣбной части...

— Другъ мой, почетнѣе того званія, которое мы брали для нашего Гриши, не можетъ быть...

— Эхъ, мать моя! Ты женщина, и притомъ богомольная, такъ для тебя, конечно, это самое почетное званіе въ мірѣ; но я старый служака, тридцать лѣтъ служилъ; и въ гвардіи служилъ я, и въ гарнизонѣ; и дослужился до капитанскаго чина, потому, по-моему, человѣкъ можетъ быть счастливъ только въ военной службѣ.. Притомъ-же, сама мать-природа создала нашего Гришку военнымъ... Гляди, какимъ соколомъ онъ смотритъ! Эхъ, право, жаль!

— Другъ мой,—возразила жена съ кротостью:—зачѣмъ сожалѣть о томъ, до чего мы, при нашихъ, болѣе нежели умѣренныхъ средствахъ достигнуть не можемъ?

— Правда, жена, правда! Я не буду больше говорить. Гриша, гдѣ ты?

Гриша не слышалъ разговора своихъ родителей. Онъ шелъ за ними, углубившись въ размысленія. Восклицаніе отца заставило его поднять голову.

— Здѣсь, тятенька,—отвѣчалъ онъ.

— Гриша! хочешь быть священникомъ?—спросилъ отецъ.

— Хочу,—отвѣчалъ ребенокъ, устремивъ свѣтлый взоръ на отца.

— Ну, ладно, будешь.

— А скоро ли, тятенька?

— Скоро-ли? А вотъ постой, какъ борода вырастетъ, да ума вынесетъ.

Въ это время они вышли изъ толпы, расходившейся мало-по-малу въ разныя стороны, и направили шаги къ постоялому двору, находившемуся въ концѣ города.

Тамъ мать Гриши велѣла подать ему стаканъ чаю, а отецъ пошелъ смотрѣть, какъ закладывали его пѣгую лошадку въ крытыя сани.

Сани были поданы. Гриша вышелъ съ матерью на крыльцо.

Въ это самое время по улицѣ проходилъ священникъ.

Встрѣчные почтительно снимали шляпы и кланялись ему. Гриша, находившійся еще подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ на него обрядомъ водоосвященія, смѣло побѣждалъ къ священнику и, схвативъ руку его, крѣпко поцѣловалъ ее.

Священникъ ласково взглянулъ на ребенка, погладилъ его по щекѣ и спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ, голубчикъ?

— Гришой...

— А кто твой отецъ?

— Вотъ онъ,—отвѣчалъ мальчикъ, указавъ на стараго капитана, закудившаго трубку и готовившагося сѣсть въ сани.

Священникъ зналъ отца Гриши, а потому подошелъ къ нему и сталъ съ нимъ разговаривать.

Гриша-же остановился, какъ прикованный къ мѣсту. На лицѣ священника было столько кротости, столько христіанской добродѣтели, голосъ его былъ такъ пріятенъ, что ребенку казалось, будто-бы ему явился святой мужъ... Долго простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, и въ дѣтскомъ сердцѣ его тверже прежняго утвердилось намѣреніе вступить въ духовное званіе.

Голосъ отца опять вывелъ его изъ задумчивости.

— Эй, Гриша!—вскричалъ капитанъ нетерпѣливо, когда священникъ удалился:—что ты стоишь разиня ротъ? Влѣзай скорѣе въ сани, намъ пора ѣхать.

Гриша немедленно повиновался и уѣхалъ между матерью и отцомъ. Послѣдній взялъ возжи въ руки, прихлестнулъ пѣгаго, и сани понеслись по гладкой, подмороженной зимней дорогѣ.

ГЛАВА II.

Г р и ш а.

Въ двадцати верстахъ отъ губернскаго города Смоленска находилось небольшое помѣстье Чижево, принадлежавшее Александру Васильевичу Потемкину.

Родъ этого дворянина происходилъ изъ Польши, но предки его съ давнихъ временъ поселились въ Россіи, вступили въ подданство ея и приняли Греко-Россійское вѣроисповѣданіе.

Потемкины были дворяне, и нѣкоторые изъ нихъ занимали высокія государственныя должности до описываемаго мною времени. Одинъ изъ нихъ былъ даже избранъ Петромъ Великимъ для посольства въ Англію, но послѣ этой миссіи не получилъ ни вышихъ почестей, ни особаго отличія.

Александръ Потемкинъ, отецъ Гриши, также не былъ отличенъ счастіемъ. Онъ служилъ, какъ мы уже знаемъ, тридцать лѣтъ въ военной службѣ, дослужился до капитанскаго чина и вышелъ въ отставку.

Небольшое помѣстье, доставшееся ему въ наслѣдство отъ родителей, было такъ незначительно, что онъ едва могъ жить доходами, получаемыми съ него. Военная служба не увеличила состояніе Александра Васильевича, а поэтому, имѣя еще двухъ дочерей, которыхъ нужно было пристроить, бѣдный капитанъ рѣшился избрать другое званіе своему сыну.

Состояніе не позволяло ему дать Гришѣ приличное воспитаніе, слѣдовательно, и въ гражданской службѣ ему не могло быть особаго счастья. Вслѣдствіе этого родители рѣшились отдать его въ Московскую семинарію.

Люди обыкновенные, которыхъ Господь не отмѣтилъ печатью особеннаго дарованія, спокойно, мирно и не жалуясь, идутъ по пути, предначертанному имъ родителями... Но избранныхъ своихъ бережетъ Богъ; Его Всемогущая десница невидимо ведетъ ихъ на путь, на которомъ ожидаетъ

ихъ слава, на которомъ они могутъ быть полезны своимъ ближнимъ!..

Успокоившись такимъ образомъ насчетъ будущности своего сына, старый капитанъ мало заботился о немъ, а мать баловала его.

Гриша подросталъ какъ настоящее дитя природы. Цѣлые дни проводилъ онъ на чистомъ воздухѣ, рѣзаясь съ толпой деревенскихъ мальчишекъ, которыми онъ командовалъ во всѣхъ играхъ, по праву *барчука*.

Умственное образованіе Гриши находилось въ пренебреженіи, за то физическое его развитіе шло быстро. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится въ сказкахъ, и былъ сильнѣе всѣхъ деревенскихъ мальчишекъ, даже тѣхъ, которые были нѣсколькими годами старѣе его. Распоряжаясь всѣми играми и не встрѣчая никогда сопротивленія со стороны ребятишекъ, почитавшихъ за честь играть съ барчукомъ, онъ съ малолѣтства сдѣлался властолюбивъ; но этотъ недостатокъ былъ смягчаемъ кротостью, которую онъ наслѣдовалъ отъ своей доброй матери.

Изъ моего разсказа вы, милые друзья мои, ближе познакомитесь съ характеромъ Гриши, а потому возвратимся къ разсказу.

Два часа спустя послѣ выѣзда изъ Смоленска, сани подъѣхали къ простенькому, одноэтажному дому, въ полуверстѣ отъ котораго находилось нѣсколько бѣдныхъ крестьянскихъ избъ.

Старый слуга, въ которомъ не трудно было узнать отставнаго солдата, вышелъ на встрѣчу господамъ. Молча взялъ онъ лошадь подъ уздцы и нѣсколько разъ погладилъ ее.

Александръ Васильевичъ высадилъ изъ саней жену, потомъ Гришу.

Послѣдній побѣждалъ къ старому слугѣ и съ живостью сталъ разсказывать ему о чудесахъ, которыя онъ видѣлъ; но старикъ былъ не въ духѣ, а потому не отвѣчалъ ни слова.

Гриша отошелъ отъ него и вошелъ въ домъ.

Столъ былъ накрытъ. Сѣли обѣдать. Послѣ обѣда Гриша всталъ, обратился къ образамъ и произнесъ громкимъ звуковымъ голосомъ:

— «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ насъ земныхъ твоихъ благъ, и не лиши насъ Небеснаго твоего Царствія».

— Ладно,—сказалъ ему отецъ, ласково погладивъ его по головѣ;—ты будешь у меня славный священникъ.

— Тятенька,—сказалъ Гриша,—ты называешь священника батюшкой; а какъ ты будешь называть меня?

— Тебя?—спросилъ старый капитанъ, котораго озадачилъ этотъ вопросъ:—а тамъ какъ придется; до этого еще далеко!

Мать же обняла Гришу, поцѣловала его и произнесла со слезамъ на глазахъ:

— Пресвятая Богородица! Дай мнѣ дожить только до того дня, когда мой Гриша будетъ священникомъ!.. Потомъ, покачавъ головой и утеревъ слезы, она прибавила тихимъ голосомъ: Да будетъ воля Твоя—Господи!..

Съ этими словами она перекрестила ребенка.

Гришѣ не сидѣлось въ комнатѣ. Отецъ его легъ отдохнуть, а онъ выбѣжалъ на крыльцо.

Тамъ сидѣлъ старый солдатъ съ коротенькой трубкой въ зубахъ.

— Антипычъ! — весело закричалъ ему Гриша, я буду священникомъ!

Антипычъ покачалъ головой, придавилъ пальцемъ нагорѣвшій въ трубкѣ пепелъ—и не отвѣчалъ ни слова.

Молодой барчукъ увидалъ, что старикъ не былъ расположенъ разговаривать, а потому побѣжалъ къ деревнѣ, гдѣ весело рѣзвились дѣти.

Въ сумерки вернулся онъ домой.

Старый капитанъ игралъ въ шашки съ однимъ изъ

близкихъ сосѣдей, прїѣхавшимъ къ нему въ гости. Отецъ Гриши проигрывалъ, а потому былъ не въ духѣ.

— Гдѣ ты опять провозился цѣлый день? — закричалъ онъ сердито на ребенка.

Гриша робко взглянулъ на отца.

— Пошелъ спать! — вскричалъ послѣдній.

Ребенокъ боязливо подошелъ къ отцу и поцѣловалъ руку его. Старый капитанъ смягчился, погладилъ его по головѣ и сказалъ болѣе кроткимъ голосомъ:

— Ну, ну, ступай съ Богомъ.

— Тятенька, — спросилъ Гриша простодушно, — развѣ священники тоже спятъ, какъ другіе люди?

— Конечно, только не такъ долго, — отвѣчалъ отецъ; — кто хочетъ быть священникомъ, тотъ долженъ рано вставать, молиться и учиться.

— Я тоже хочу учиться, тятенька.

— Ну, учись.

— А, какъ мнѣ учиться?

— Какъ люди учатся.

— Да меня никто не учить... Я бы радъ...

— Ну, полно разговаривать, — нетерпѣливо вскричалъ старый капитанъ: — пошелъ спать!

Мать проводила Гришу до постели, заставила его помолиться, потомъ раздѣла, благословила и уложила спать.

ГЛАВА III.

Антипычъ.

Мать учила Гришу читать и писать. Этимъ покуда ограничивалось все школьное воспитаніе дитяти.

Но у него былъ другой учитель, который развивалъ въ немъ науку жизни, труднѣйшую изъ всѣхъ наукъ.

Этотъ учитель былъ — старый Антипычъ, неумѣвшій ни читать, ни писать.

Въ сельской жизни вѣрный, преданный слуга не то, что въ городской. А старый Антипычъ былъ преданъ своему господину всею душою. Онъ служилъ съ нимъ вмѣстѣ, подъ его начальствомъ, въ одно время съ нимъ вышелъ въ отставку, выслуживъ года, и, по просьбѣ своего капитана, поселился у него въ домѣ.

Антипычъ занималъ должность среднюю между слугою и управляющимъ. Не имѣя никакого положеннаго занятія, онъ занимался всѣмъ помаленьку: то надзиралъ за полевыми работами, то самъ принимался за соху, то ухаживалъ за скотомъ, то прислуживалъ въ домѣ.

Но охотнѣе всего Антипычъ сидѣлъ въ конюшнѣ, возлѣ пѣгаго, съ которымъ онъ находился въ тѣсной дружбѣ; туда къ нему часто приходилъ Гриша съ разными вопросами или слушать сказки, которыя старый солдатъ былъ мастеръ рассказывать.

Особенно нравилась Гришѣ сказка о Бовѣ-Королевичѣ, могучемъ богатырѣ, которую Антипычъ рассказывалъ ему уже разъ пятьдесятъ; не смотря на то, Гриша слушалъ каждый разъ со вниманіемъ и принималъ въ славныхъ похожденияхъ королевича такое же живое участіе, какъ въ первый разъ.

При этихъ повтореніяхъ Антипычъ иногда сбивался и рассказывалъ иначе; тогда Гриша прерывалъ его.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ:—это не такъ, а вотъ какъ.

И Гриша самъ досказывалъ сказку.

— Правда, правда,—говорилъ тогда Антипычъ, восхищенный памятью своего ученика:—я сбился; старость одолеваетъ. У тебя память посвѣжѣе!

Антипычъ имѣлъ право говорить Гришѣ *ты*. Никто не давалъ ему этого права, но никто и не отнималъ его у него.

Часто старикъ и ребенокъ толковали о такихъ вещахъ, о которыхъ городскія дѣти, ходящіе въ пансіоны, узнаютъ только тогда когда вступаютъ уже въ свѣтъ, а именно, о

богатствѣ и бѣдности, даже о правдѣ, о честности и обманѣ и тому подобномъ — и, несмотря на огромное различіе лѣтъ, они прекрасно понимали другъ-друга.

Однажды Гриша ходилъ со своимъ отцомъ смотрѣть, какъ строили новый хлѣвъ.

— Папенька, — спросилъ ребенокъ, — зачѣмъ деревья круглы, а не четырехугольны? Тогда бы ихъ не нужно было тесать.

— Зачѣмъ?.. Старый капитанъ опять сталъ въ ту-пикъ. — Что ты за глупости спрашиваешь!

Гриша замолчалъ.

Отецъ его подумалъ съ минуту, потомъ отвѣчалъ:

— Еслибъ деревья были четырехугольны, такъ плотникамъ пришлось бы умереть съ голоду; да и щепокъ не было бы на растопку.

Капитанъ опять замолчалъ. Этотъ отвѣтъ показался ему неудовлетворительнымъ, а потому, поморщившись и поче савъ лобъ, онъ продолжалъ!

— Конечно, есть и другія причины, но ты теперь не поймешь ихъ.

Отвѣты отца озадачили Гришу; воротившись домой, онъ прямо отправился къ Антипычу.

— Зачѣмъ, — спросилъ онъ его, — деревья круглы, а не четырехугольны? Тогда бы ихъ не нужно было тесать.

— Правда, — спокойно отвѣчалъ старикъ, покуривая свою трубку: — но иногда въ работу нуженъ и нетесанный лѣсъ, а изъ круглаго легче сдѣлать четырехугольный, нежели изъ четырехугольнаго круглый; обрубить легко, а приставить — сунься-ка!

Гриша чрезвычайно удивился тому, сколько на одинъ вопросъ можетъ быть отвѣтовъ.

Съ сестрами своими Гриша видѣлся рѣдко; онѣ жили въ Смоленскѣ, у близкихъ родственниковъ. Слѣдовательно, вся жизнь его сосредоточивалась въ немъ одномъ и сельская жизнь его благотѣльно дѣйствовала на него... вос-